

УДК 316.648

Бонкало Т.И., Ильин В.А., Бонкало С.В.

Российский государственный социальный университет, г. Москва

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования закономерностей трансформации патриотизма в национализм в зависимости от уровня психосоциального развития личности. Цель исследования заключалась в выявлении и анализе взаимосвязи патриотических, националистических и нейтрально-негативных этнонациональных установок с особенностями психосоциального развития у представителей современной российской молодежи. Авторы, опираясь на результаты теоретического анализа и эмпирического исследования, делают выводы о закономерных связях между националистическими установками и особенностями психосоциального развития личности.

Ключевые слова: социальные установки, националистические установки, патриотические установки, этнические установки, уровень психосоциального развития, социогенетическое развитие.

T.I. Bonkalo, V.A. Ilyin, S.V. Bonkalo

Russian State Social University, Moscow

ETHNO-NATIONAL ATTITUDES AND PSYCHOSOCIAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY: EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. The article presents the results of empirical study of regularities of transformation of patriotism into nationalism depending on the psychosocial development of personality. The purpose of the study was to identify and analyze the relationship of patriotic, nationalistic, and neutral-negative ethno-national attitudes with the features of psychosocial development among representatives of modern Russian youth. Basing on the results of theoretical analysis and empirical research the authors conclude that there are regular connections between nationalist attitudes and characteristics of the psychosocial development of a personality.

Keywords: social attitudes, nationalistic attitudes, patriotic attitudes, ethnic attitudes, level of psychosocial development, socio-genetic development.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-06-10966

Проблема патриотизма как одна из форм интеграции интересов индивида и общества, выражающаяся в принципе любви к отечеству и общей заинтересованности в его процветании, без сомнения, является высоко актуальной на современном, крайне непростом в очень многих отношениях, этапе развития российского общества. Это обусловлено как социальным заказом, отчетливо проявляющимся, в частности, на уровне государственной политики, так и актуализацией на индивидуальном уровне значительной части общества, а также целым рядом социальных и возрастных групп, сознательных и, что не менее важно, бессознательных установок патриотической направленности.

Вместе с тем, в этих условиях отчетливо возрастают риски трансформации патриотизма в индивидуальные представления и идеологические концепции националистической направленности, легко приобретающие откровенно экстремистский характер со всеми вытекающими социальными последствиями.

Как совершенно справедливо отмечает один из видных отечественных специалистов в области этнопсихологии и межнациональных отношений О.Е. Хухлаев, «национализм и патриотизм – исключительно политизированные феномены» [6, с. 66].

Заметим, что в силу этой крайней политизированности не только в публицистике, но и в различного рода прикладных разработках эти феномены различаются на уровне обыденного здравого смысла: «патриотизм» – это, безусловно, «хорошо», в то время как «национализм» – это, скорее, «плохо».

Между тем, в рамках, прежде всего, социально-психологических исследований, выполненных в предметно-проблемном поле политической психологии и этнопсихологии, накоплен достаточно обширный эмпирический материал и опыт теоретического осмысления этих феноменов в их взаимосвязи [1–3].

К настоящему времени наиболее распространенным является рассмотрение патриотизма и национализма как особого рода социальных установок, тесно связанных с социальной идентичностью индивида [2]. При этом сложилось два основных подхода к решению проблемы о соотношении и взаимосвязи этих установок.

В первом случае патриотизм и национализм рассматриваются как два уровня интериоризации социального опыта, связанного с объективной потребностью индивида в принадлежности к той или иной этнокультурной общности. В этой логике национализм – не что иное, как «крайний, «экстремальный» вариант позитивных установок по поводу своей национальной группы, связанный с переживанием «единства происхождения»» [6, с. 66].

Сторонники второго подхода подчеркивают, что патриотизм и национализм – хотя и взаимосвязанные, но при этом вполне самостоятельные и существенно различающиеся содержательно комплексы аттитудов. Основное различие заключается в том, что «патриотизм связан с искренней озабоченностью своей страной, ее благосостоянием без сравнения с другими» [5, с. 66] в то время как «национализм – установка на превосходство страны и необходимость её доминирования» [6, с. 66]. Заметим, что при таком понимании национализм оказывается ничем иным, как выраженным проявлением социально-психологического феномена группового фаворитизма применительно к большим группам.

Как отмечает О.Е. Хухлаев, большинство исследователей разделяют именно второй подход. Нам он также представляется более внятным и аргументированным. Однако в его рамках остаются две принципиальные, на наш взгляд, лакуны.

Во-первых, что конкретно представляет собой взаимосвязь патриотизма и национализма в данной логике? На первый взгляд, эти комплексы аттитудов оказываются не только различными, но во многом противоположными.

И, во-вторых, как именно и под воздействием каких факторов происходит переход от патриотизма к национализму и наоборот (о том что такого рода трансформации, во всяком случае, на уровне социума, имеют место совершенно отчетливо свидетельствует исторический опыт).

Далее мы попытаемся восполнить эти лакуны, проанализировав феномены патриотизма и национализма в их взаимосвязи с позиций психосоциальной теории развития.

Вполне понятно, что излагать здесь содержание психосоциальной теории развития даже в предельно сжатом формате совершенно излишне. Однако для удобства восприятия мы в самой лапидарной форме представим теоретические основания дальнейших рассуждений.

В основе психосоциальной концепции Э. Эриксона лежит эпигенетический принцип, который базируется на положении о том, что всё развивающееся имеет некий исходный план развития, в соответствии с которым, по Э. Эриксону, «появляются отдельные части – каждая имея своё время доминирования, куда все эти части не составят способного к функционированию целого» [7, с. 4].

Принципиально важно в рассматриваемом контексте то, что, по словам Э. Эриксона, «каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определённую связь с одним из базисных институциональных стремлений человека по той простой причине, что жизненный цикл человека и социальные институты развивались одновременно. Между ними существует двойная связь: каждое поколение привносит в эти институты пережитки

инфантильных потребностей и юношеского пыла и берет от них – пока они, естественно, в состоянии поддерживать свою институциональную витальность – специфическое подкрепление детской витальности» [7, с. 115].

Возрастная периодизация, разработанная Э. Эриксеном, базируется на рассмотрении жизненного цикла человека как на последовательно сменяющихся друг друга восьми кризисах развития. Каждый возрастной кризис – это, по мнению Э. Эриксона, поворотная точка в общем процессе психосоциального развития. Источником кризиса становится конфликт между позитивным, или витальным, началом, отражающим сущность человеческой природы, и негативным, или деструктивным, началом, проявляющимся в специфических формах, характерных для определённого возраста. Такие конфликты разрешаются согласно генетической заданности личности, особенностям её предшествующего опыта и социальной ситуации её развития.

Сущность самого процесса разрешения такого конфликта заключается в рассмотрении его как процесса интериоризации специфического опыта в виде формирования устойчивого компонента структуры: позитивное решение – Эго-сила – Эго-«вклад» в органичное, функциональное целое; в случае негативного разрешения конфликта – функциональная спутанность, или Эго-отчуждение.

Согласно психосоциальному подходу, механизм взаимосвязи онтогенетического развития личности и его социогенетических линий может быть рассмотрен в виде достаточно простой и логически понятной схемы. Если общество, в котором развивается личность, достаточно продуктивно функционирует, то в нём создаются благоприятные условия и для позитивного в целом разрешения возрастных кризисов развития. Такое позитивное разрешение обеспечивает формирование элементов идентичности, сопоставимые как с генетически заданными потребностями развивающейся личности, так и социальными потребностями самого общества.

По своей сути, позитивное разрешение каждого кризиса индивидуального развития означает фактическое обретение индивидом специфической эго-силы, энергию которой он, в свою очередь, в процессе социального функционирования вкладывает в соответствующие институты общества, поддерживая тем самым витальность последних.

В противоположном случае, когда индивид развивается в так называемом дисфункциональном обществе, где не просто не поддерживается, а даже подавляется изначально присущая человеку детская витальность, создаются условия для негативного разрешения базисных конфликтов, характерных для той или иной стадии развития, что приводит к формированию устойчивого специфического эго-отчуждения как деструктивной альтернативы эго-силе.

Как и в первом случае, разрушительная энергия такого рода отчуждения вкладывается в соответствующие социальные институты, усиливая дисфункциональность последних.

Ключевой в плане дихотомии «патриотизм – национализм» оказывается пятая стадия психосоциального развития хотя бы уже потому, что, по мнению ряда авторов, «исток национального чувства связаны с потребностью в позитивной социальной идентичности» [7, с. 66]. Не углубляясь в методологические подробности отметим, что в рамках используемой теоретической схемы, понятие «социальная идентичность» является видовым по отношению к родовому понятию «идентичность».

Собственно идентичность, с точки зрения психосоциального подхода, является своего рода эпицентром жизненного цикла каждого человека. Она оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте, и от её качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой самостоятельной жизни [4]. Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной уникальности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире. Более того, в рамках эпигенетической схемы идентичность является своего рода контрапунктом, интегрирующим на индивидуальном уровне результаты онто- и социогенетического развития [3].

В этой связи особый интерес представляет социальный институт, связанный с пятой стадией психосоциального развития – идеологией. «Именно через идеологию социальные системы проникают в характер следующего поколения и стремятся «растворить в его крови» живительную силу молодости», – отмечал Э. Эриксон [7, с. 145]. В свою очередь, и господствующая в том или ином обществе идеология непосредственно зависит от индивидуальности представителей молодого поколения, поскольку «молодежь может предложить свою лояльность и энергию как сохранению того, что продолжает казаться истинным, так и революционному изменению того, что утратило свою обновляющую значимость» [7, с. 145].

Исходя из выше изложенных теоретических посылок нами было принято эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи между этнонациональными установками и стадиями психосоциального развития у представителей современной российской молодёжи.

Цель исследования заключалась в выявлении и анализе взаимосвязи патриотических, националистических и нейтрально-негативных этнонациональных установок с особенностями психосоциального развития у представителей современной российской молодёжи.

В качестве основных методов углубленного эмпирического исследования использовались методики «Шкалы этнонациональных установок» и

«Дифференциал психосоциального развития». Для сбора дополнительной и «фоновой» информации использовались методы включенного и внешнего наблюдения, полуструктурированного интервью. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием пакета SPSS 13.0.

Методика «Шкалы этнонациональных установок» разработана в 2010 г. О.Е. Хухлаевым, И.М. Кузнецовым, Н.В. Ткаченко. В рамках данной методики испытуемому предлагается оценить ряд утверждений в диапазоне от 1 – полностью согласен, до 5 – полностью не согласен (при обработке данных, подсчет баллов производится в обратном порядке – полное согласие оценивается в 5 баллов, полное несогласие – 1 балл). Содержательно утверждения распределяются по четырем шкалам:

- националистические установки – неприязненное отношение к представителям иных национальностей;
- патриотические установки – ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми своей национальности;
- нейтральные установки – индифферентное отношение к своей национальной принадлежности, установка на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью;
- негативные установки (своего рода, «антинационализм») – отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности [8, с. 98].

Методика «Дифференциал психосоциального развития» (ДПР) неоднократно подробно описывалась в достаточно широко доступных публикациях. Заметим лишь, что она представляет собой пятифакторный семантический дифференциал и позволяет выявить результаты разрешения конфликтов психосоциального развития на стадиях эпигенетического цикла, охватывающих возрастной период от младенчества до юношества. Выборку испытуемых составили студенты вузов Москвы, Воронежа, Нижнего Новгорода.

Общий объём выборки испытуемых составил 437 человек. Из них 183 юноши и 254 девушки. Средний возраст испытуемых – 20,5 лет.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к представлению и анализу результатов исследования, представляется целесообразным остановиться на «раскладе» этнонациональных установок в молодежной среде.

Следует отметить, что данные, полученные с использованием методики «Шкалы этнонациональных установок», достаточно отчетливо группируются в два кластера – «националистические установки – патриотические установки» и «нейтральные установки – негативные установки». Иными словами, высокая степень согласия с утверждениями, относящимися к одной из

шкал каждого кластера, означает, как правило, принятие утверждений, относящихся к другой шкале и, одновременно, несогласие с утверждениями, относящимися к шкалам противоположного кластера.

Итак, националистические установки преобладают у 84 испытуемых – около 19,7% выборки. Патриотические установки наиболее выражены у большинства испытуемых – 253 человека – около 57,9% выборки. Таким образом, результаты «квалифицированного» большинства испытуемых – 77,6% относятся к первому кластеру.

Что касается второго кластера, то, как показало проведённое исследование, нейтральные и негативные этнонациональные установки оказались, по сути дела, взаимодополняющими – практически в равной степени выраженными. В этой связи испытуемые, продемонстрировавшие высокий уровень такого рода установок, были объединены нами в одну категорию. Всего таких испытуемых оказалось 56 человек – 12,8%.

Особую группу – 44 человека – 10,1% составили испытуемые, у которых нейтральные этнонациональные установки сочетаются с националистическими. Заметим, что такого рода артефактный на фоне общего «расклада» феномен был зафиксирован в целом ряде исследований с использованием методики «Шкалы этнонациональных установок», причём его «удельный вес» стабильно составляет 10–11% выборки.

Полученные таким образом данные позволяют сделать ряд предварительных, но немаловажных выводов.

Прежде всего, получено, хотя и косвенное, но отчетливое подтверждение, что национализм и патриотизм являются взаимосвязанными аттитудами.

Выявлено, что в студенческой среде преобладают патриотические этнонациональные установки, но при этом сильно выражены националистические настроения. Лишь для незначительной части студенчества вопросы, связанные с национальной принадлежностью, не имеют приоритетного значения.

На наш взгляд, это крайне тревожный симптом, являющийся прямым следствием агрессивной пропаганды, в рамках которой под эгидой патриотизма нередко проповедуются откровенно националистические взгляды. Также эти явления – результат чрезвычайно возросшей активности, в том числе в медийном пространстве, целого ряда «общественных организаций» и публичных лиц, откровенно граничащей с прямыми нарушениями законодательства РФ.

На следующем этапе исследования в соответствии с заявленной целью, используя коэффициент ранговой корреляции Спирмена, была осуществлена проверка взаимосвязи между факторами дифференциала психосоциального развития и шкалами этнонациональных установок.

В таблице 1 представлены её результаты (Значок ** соответствует 99% уровню значимости коэффициента ранговой корреляции ($p < 0,01$), значок * – 95% ($p < 0,05$)).

Таблица 1

Корреляция факторов дифференциала психосоциального развития со шкалами этнонациональных установок

	Националистические	Патриотические	Нейтральные	Негативные
Доверие	,365**	,126*	,441**	,403*
Автономия	,331**	,161*	,221**	,357**
Инициатива	,458**	,158*	,319**	,331**
Компетентность	,313**		,269**	,392**
Идентичность	,321**		,317**	,423**

Как видно из приведённой таблицы, налицо две разнонаправленные тенденции. Нейтральные и негативные этнонациональные установки практически в равной степени напрямую связаны со всеми шкалами дифференциала психосоциального развития. Это означает, что чем более выражено позитивное разрешение кризисов развития на каждой из базисных стадий эпигенетического цикла, тем менее значимы для индивида вопросы, связанные с национальной принадлежностью – как собственной, так и представителей социального окружения.

В то же время имеет место отчетливо выраженная обратная взаимосвязь между всеми шкалами дифференциала и националистическими этнонациональными установками. То есть негативное разрешение базисных кризисов психосоциального развития напрямую связано с формированием националистических убеждений на индивидуальном уровне.

Согласно психосоциальной теории развития, разрешение конфликта каждой из базисных стадий эпигенетического цикла означает интериоризацию специфического опыта в виде устойчивого компонента структуры Эго-«вклада» в органичное, функциональное целое в случае позитивного разрешения (эго-сила) либо в дисфункциональную спутанность (эго-отчуждение) – в случае негативного.

Потенциальной эго-силой первой стадии психосоциального развития является *надежда*. Э. Эриксон характеризует ее как бесконечную готовность человека «верить в достижимость главных своих желаний, несмотря на возникающие время от времени анархические призывы и приступы зависимости» [7, с. 116]. Индивид, обладающий эго-силой надежды, способен к открытому партнерскому взаимодействию с окружающими. Существенно важно, применительно к современным российским условиям, что как в

зрелом, так и в детском возрасте такие люди мало подвержены ксенофобии и влиянию деструктивных стереотипов, связанных с национальными и социальными отношениями. Как правило, им свойственны доминирующая установка на достижение и высокая фрустрационная толерантность, что объективно снижает значимость коллективных идентификаций, в том числе связанных с национальной принадлежностью.

Разрешение первого базисного конфликта в пользу недоверия влечет за собой специфическое отчуждение в виде *временной спутанности или утраты временной перспективы* в зрелом возрасте. Это приводит к тому, что в субъективном восприятии индивида «каждая отсрочка становится обманом, каждое ожидание – переживанием бессилия, каждая надежда – опасностью, каждый план – катастрофой, каждый возможный помощник – потенциальным изменником» [7, с. 191].

Отсюда психологическое «цепляние» за прошлое, попытки проживать его снова и снова, тем самым как бы поворачивая время вспять, в сочетании со стремлением «законсервировать» настоящее, дабы избежать неисчислимы и неизбежны опасности и неприятности, затаившиеся в будущем. Другим проявлением утраты временной перспективы является патологическая фиксация на будущем. Патологическая в том смысле, что будущее выступает не как естественное продолжение настоящего момента в рамках единого жизненного цикла, но как отдаленная абстрактная возможность, оторванная от текущей реальности. Заметим в этой связи, что практически все идеологические доктрины выражено националистической направленности апеллируют к «героическому прошлому» в сочетании с обещаниями «светлого будущего».

Эго-силой, связанной с позитивным разрешением второго базисного кризиса психосоциального развития, является *воля*, или, говоря словами Э. Эриксона, «мужество быть независимым индивидом, который сам может выбирать и строить собственное будущее» [7, с. 124].

Типичным отчуждением, характерным для второй стадии психосоциального развития, по мнению Э. Эриксона, является *болезненное самоосознание* как антитеза свободной воли и уверенности в себе. Такое самоосознание направлено на фиксацию «противоречия между самооценкой, образом «Я» автономной личности и образом «самого себя» в глазах окружающих» [8, с. 192].

Типичным проявлением патологического самоосознания индивида в социальной жизни является неспособность устанавливать полноценные партнерские отношения, привнесение в любой вопрос личностно-аффективного содержания. В качестве компенсаторного механизма поведенческой патологии такого рода часто выступает гипертрофированная тяга к

идентификации с группой, «посредством которой недостаточная уверенность в себе может на время замаскироваться „групповой” уверенностью» [7, с. 94].

Достаточно очевидно, что национализм, причём именно в крайних, откровенно маргинальных проявлениях, практически идеально отвечает потребностям таких индивидов.

Потенциальной эго-силой, соответствующей третьей стадии психосоциального развития, является *чувство цели*, необходимое, по мнению Э. Эриксона, «для выполнения взрослых задач, что обещает (но не гарантирует) реализацию пространства возможностей человека» [7, с. 132]. Развитое чувство цели обуславливает способность индивида ставить достаточно амбициозные и вместе с тем реалистичные личностные задачи и прилагать целенаправленные усилия к их достижению.

Типичным отчуждением третьей стадии психосоциального развития является *тотальная ролевая фиксация*, представляющая собой альтернативу здоровому чувству цели и свободному ролевому экспериментированию. Обычно она проявляется «в форме полного отказа от амбиций, что только и позволяет полностью избежать чувства вины» [7, с. 194].

На уровне социального функционирования личности это обычно находит выражение в установке на избегание неудач как ведущего мотива деятельности, в приверженности позиции «маленького человека», от которого «мало что зависит». Очевидно, что такие люди в высокой степени подвержены риску «заражения» национализмом, особенно когда соответствующие идеи проповедаются харизматичными лидерами, откровенно навязываются пропагандой и подкрепляются материальными бенефициями.

Эго-силой, формирующейся в результате позитивного разрешения кризиса четвёртой стадии психосоциального развития, является *уверенность* или *чувство созидания*, характеризуемое Э. Эриксоном как «ощущение себя способным делать разные вещи, и делать их хорошо или даже в совершенстве» [7].

При этом, с точки зрения Э. Эриксона, в социальном отношении эта стадия – решающая.

Типичное отчуждение, связанное с разрешением четвёртого кризиса психосоциального развития в пользу устойчивого чувства неполноценности, выражается в неспособности индивида работать, или *стагнации действия*, являющейся, по мнению Э. Эриксона, «логическим следствием глубокого чувства неадекватности собственных общих возможностей» [7, с. 96].

В социальном аспекте это приводит не только к очевидному ограничению потенциала индивида в смысле перспектив карьерного роста,

самореализации в профессиональной деятельности и т.п., но часто полностью парализует всякую созидательную активность личности. Компенсаторная реакция в таких случаях нередко проявляется в форме агрессивных и социопатических действий. Понятно, что одной из реальных, психологически комфортных форм такого рода компенсаторики является участие в националистических организациях крайнего толка, поскольку они не только предоставляют широкие возможности выхода деструктивной энергии, но и позволяют переложить ответственность за собственные неудачи на «чужаков».

Потенциальной эго-силой пятой стадии эпигенетического цикла является *цельность*. В его рамках вопросы, связанные с национальной принадлежностью, не могут иметь сколько-нибудь принципиального значения.

Типичным отчуждением данной стадии психосоциального развития является тотальность, которая, в противоположность цельности, по самой своей сути предполагает центрацию индивида на национальной принадлежности и высокую значимость национальных стереотипов. Тотальностью обуславливается высокий уровень личностной закрытости, отчётливо выраженная предрасположенность к ксенофобии, фанатичная приверженность тем или иным лидерам и идеологическим доктринам, деформированная атрибуция ответственности, склонность к следованию стереотипам, слабая способность к рефлексии и т.п. Она является глубинной причиной такого личностного качества, как авторитарность, характеризующегося устойчивой, граничащей с патологией, потребностью индивида жёстко подавлять и, более того, унижать и третировать членов социального сообщества, стоящих ниже его в статусном отношении, при одновременной безусловной готовности к слепому, безоговорочному подчинению и скорее даже повиновению вышестоящим.

Таким образом, выявленная в ходе исследования закономерность находит вполне логичное объяснение с точки зрения теории психосоциального развития.

Несколько особняком в рамках зафиксированной тенденции стоят патриотические этнонациональные установки. Как видно из таблицы 1, их показатели находятся в умеренно выраженной обратной взаимосвязи с тремя первыми факторами дифференциала психосоциального развития и вовсе не связаны с четвёртым и пятым.

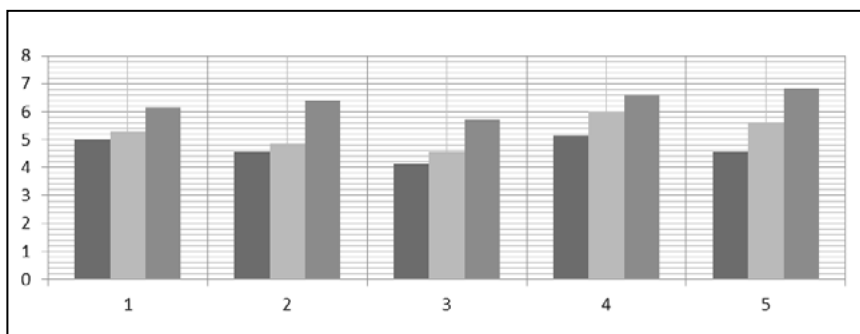
На наш взгляд, это объясняется тем, что, будучи по своей психологической природе «созвучны» националистическим (что подтверждается зафиксированными взаимосвязями), они, во-первых, гораздо разнообразнее в содержательном плане и, во-вторых, как правило, не столь категоричны. Благодаря этому патриотические установки на уровне субъективной интер-

претации оказываются в равной степени приемлемыми для молодых людей как с негативным, так и с позитивным разрешением кризисов четвёртой и пятой стадий эпигенетического цикла.

Результаты сравнительного анализа особенностей психосоциального развития испытуемых с преобладанием националистических, патриотических и нейтрально-негативных этнонациональных установок (рис. 1) позволяют говорить о том, что в группе испытуемых с националистическими и патриотическими этнонациональными установками профили психосоциального развития по первым трём факторам дифференциала довольно близки и локализируются в шкальных диапазонах, означающих неразрешённость, либо слабо выраженное позитивное разрешение соответствующих кризисов психосоциального развития.

При этом они явно ниже результатов испытуемых с нейтрально-негативными этнонациональными установками, локализующихся в шкальном диапазоне, интерпретируемом как устойчивое позитивное разрешение этих кризисов.

Относительно четвёртого и пятого факторов дифференциала имеет место несколько иная картина. Как видно на представленной диаграмме, результаты испытуемых с националистическими этнонациональными установками заметно отличаются от результатов испытуемых как с нейтрально-негативными, так и патриотическими установками, и локализируются в шкальном диапазоне слабо выраженного позитивного разрешения соответствующих кризисов психосоциального развития. При этом результаты испытуемых с патриотическими установками, хотя и локализируются в шкальном диапазоне, означающем устойчивое позитивное разрешение

Условные обозначения: 1 – доверие; 2 – автономия; 3 – инициатива; 4 – компетентность; 5 – идентичность.

Рис. 1. Профили психосоциального развития трех категорий испытуемых.

этих кризисов, всё-таки существенно ниже по сравнению с результатами испытуемых с нейтрально-негативными этнонациональными установками.

Для проверки значимости данных видимых различий был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни, позволяющий сравнить независимые выборки. В результате были выявлены статистически значимые различия (двусторонний уровень асимптотической значимости U-критерия $p < 0,01$):

- между испытуемыми с националистическими и нейтрально-негативными этнонациональными установками по всем факторам ДПР;
- между испытуемыми с патриотическими и нейтрально-негативными этнонациональными установками по всем факторам ДПР;
- между испытуемыми с националистическими и патриотическими этнонациональными установками по факторам «компетентность» и «идентичность».

Заметим, что данный расклад полностью соответствует структуре выявленных взаимосвязей между факторами дифференциала психосоциального развития и шкалами этнонациональных установок, а также их интерпретации с позиций психосоциальной теории развития.

Проведённое исследование позволяет сделать ряд обоснованных обобщающих **выводов**:

1. Этнонациональные установки личности, по сути, являются одним из феноменологических проявлений процесса и результата психосоциального развития на базисных стадиях эпигенетического цикла.

2. Содержание этнонациональных установок напрямую связано с результатами разрешения базисных кризисов психосоциального развития – чем отчётливее выражена тенденция к позитивному разрешению этих кризисов, тем менее значимы для индивида вопросы, связанные с национальной принадлежностью и национальными стереотипами.

3. Для молодых людей с отчётливо выраженными националистическими установками характерна «законсервированность» – неразрешённость кризисов ранних стадий развития и, как следствие, психосоциальная спутанность, в то время как их сверстников с нейтрально-негативными этнонациональными установками отличает устойчивое позитивное разрешение этих кризисов. Молодые люди с патриотическими установками занимают в этом отношении промежуточную позицию.

4. В настоящее время налицо тенденция к росту националистических настроений в молодёжной среде. Это связано как с внешним воздействием, в частности, с агрессивной националистической пропагандой, так и с фундаментальными проблемами современного, прежде всего, дошкольного и школьного образования.

5. Одним из важнейших стратегических направлений профилактики национализма в молодёжной среде представляется реальное и радикальное реформирование средней школы в логике смещения акцента с формального обучения к полноценному личностному развитию учащихся.

Литература:

1. Бонкало Т.И. Психологические механизмы трансформации патриотизма в национализм: постановка проблемы // Человеческий капитал. 2014. № 5 (65). С. 127–130.
2. Бонкало Т.И. Межэтническая интолерантность современной московской молодежи // Социальная политика и социология. 2014. № 2 (103). С. 45–53.
3. Бонкало Т.И., Колесник Н.Т., Варавина Л.В. Государственное и общественное регулирование миграционных процессов в современной России: психологический аспект. М.: АИМ, 2015. 225 с.
4. Ильин В.А. Использование теории психосоциального развития в целях прогнозирования риска суицидального поведения в подростковом возрасте // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Социально-психологическая профилактика и психотерапия суицидального состояния личности» / под науч. ред. Е.А. Петровой, Т.И. Бонкало. М., 2014. С. 9–32.
5. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Воздействие и влияние как социально-психологические координаты межличностного взаимодействия: понятийно-терминологический аспект // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 46–57.
6. Хухлаев О.Е. Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Ученые записки РГСУ, 2012, №10. С. 66–70.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 367 с.
8. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи / Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Зинурова Р.И. и др. // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.